

“MOURNING FOR THE FUTURE”, OR THE CARTOGRAPHY OF APOCALYPSE

Nikolai B. Afanasov^a

^a Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.
12 Goncharnaya str., 1, Moscow, Russia, 109240. Email: n.afanasov[at]gmail.com

Abstract

Book review: Dupuy, J.-P. (2019) *Petite métaphysique des tsunamis*.
Saint-Petersburg: Ivan Limbakn Publishing House.

Keywords

---

enlightened doomsaying; philosophy of technics; Jean-Pierre Dupuy; social theory; social philosophy; theory of media; apocalypse; sacred; violence; futurology

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

«ТРАУР ПО БУДУЩЕМУ», ИЛИ КАРТОГРАФИЯ АПОКАЛИПСИСА

Афанасов Николай Борисович^а

^а Сектор социальной философии, Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Email: n.afanasov[at]gmail.com

Аннотация

Рецензия на книгу: Дюпюи, Ж.-П. (2019). *Малая метафизика цунами*. СПб: Издательство Ивана Лимбаха.

Ключевые слова

просвещённый катастрофизм; философия техники; Жан-Пьер Дюпюи; социальная теория; социальная философия; теория медиа; апокалипсис; сакральное; насилие; футурология

Это произведение доступно по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Конец света уже произошёл, поскольку прошлое и будущее соединяются в вечном настоящем.

Жан-Пьер Дюпюи

Утрата утопического мышления и видения будущего характеризует последние десятилетия человеческой истории (Павлов, 2019, стр. 149). Похоже, что в мире не осталось влиятельных концепций, чей оптимизм в отношении будущего развития общества был бы безоговорочным. За каждой попыткой избежать неизбежного – разрушительных последствий природных катастроф, опустошительных войн, увеличения напряжения между крупнейшими экономиками, торможения роста в развивающихся странах, изменения климата, спровоцированного антропогенными факторами – стоит осознание тяжёлых последствий грядущих событий. Даже самые светлые и смелые современные проекты, такие как планы колонизации других планет, лишь свидетельствуют о том, что угроза воспринимается не просто как серьёзная, но и как неотвратимая. В противном случае, не было бы никакого смысла в создании самих этих проектов. Говоря иначе, «апокалипсис» уже произошёл. По меньшей мере в умах лучших из представителей человечества: «Апокалипсис, как судьба, начертан в нашем будущем, и лучшее, что мы можем сделать, – это отдалить его на неопределённое время» (Дюпюи, 2019, стр. 111).

Парадоксальным образом вдумчивый наблюдатель сталкивается с тем, что в условиях надвигающейся катастрофы не происходит консолидации общества вокруг очевидных проблем. В условиях реальности кризиса как общепризнаваемого социального факта, никто не действует. Более того, прогнозы и предостережения представителей учёного сообщества в том виде, в котором они представлены в медиа, не приводят к совершению коллективного действия. Для иллюстрации достаточно обратиться к теме «глобального потепления», которое продолжает оставаться полемическим сюжетом и предметом споров. Несмотря на все усилия учёных, так и не был достигнут консенсус в отношении того, что именно происходит с климатом на планете. Подчеркнём, что речь здесь идёт не о высказывании экспертной позиции или оценки динамики климатических

процессов, но об определении состояния социальной реальности. В итоге, очевидная усталость от темы дала о себе знать, и с 70-х годов XX века, когда усилиями Римского клуба решение проблемы пытались вывести в ряд первоочередных для человечества, не было достигнуто значимого прогресса.

В этих обстоятельствах особую значимость приобретает философская мысль. В условиях отсутствия вызывающих доверия данных и интерпретирующих их теорий, которые могла бы предоставить обществу эмпирическая наука, на помощь может прийти универсальная логика философского размышления. Жан-Пьер Дюпюи, французский философ техники, «ключевая фигура, связывающая французскую философию и мир современных технологий» (Гринбаум, 2019, стр. 5), предлагает в своих работах по-новому осмыслить катастрофизм. Дюпюи необычайно продуктивный автор. Издав несколько десятков книг, получивших признание в среде интересующихся философией техники и философией насилия, он стал одной из важнейших фигур современной социально-философской футурологии. Впрочем, подобное его отнесение к футурологам с нашей стороны могло бы не понравиться самому автору, ведь его мышление о будущем базируется на понимании прошлого и использовании философских достижений XX века. Принципиальным для понимания современной ситуации и вычленинии ошибок в мышлении о катастрофизме для французского философа становится опыт осмысления катастроф в истории мысли. Более подробно об интеллектуальном пути Жана-Пьера Дюпюи можно узнать из «Предисловия» (Гринбаум, 2019) Алексей Гринбаума, которое предваряет первый перевод работы этого мыслителя на русский язык (Дюпюи, 2019).

«Малая метафизика цунами» – это небольшая книга, впервые вышедшая в 2005 году на французском языке. Её название было вдохновлено событиями 2004 года, когда одно из самых мощных землетрясений в современной истории, произошедшее в Индийском океане, спровоцировало цунами, унесшее жизни сотен тысяч человек. Автор позаботился о том, чтобы его книга привлекла внимание. Впрочем, нужно учитывать, что оригинальное название куда яснее свидетельствует о том, что речь идёт не о конкретном

цунами 2004 года, а о цунами во множественном числе: «Petite métaphysique des tsunamis» (Dupuy, 2005). Это невозможно компактно передать в русском языке, поскольку единственное и множественное число слова «цунами» совпадают. Отдельным аспектом события явилось то, что цунами прошло в курортных регионах, где отдыхали граждане Европейского Союза и США. В результате катастрофы погибли несколько тысяч европейцев. Дюпюи не питает иллюзий в отношении того, что медиа-освещение проблемы, повлекшее за собой особый дискурс мышления о зле и катастрофе, сыграло особую роль в том, что европейские публичные интеллектуалы обратили внимание на проблему.

Предположим, что метафора цунами была выбрана не только по причине желания и так весьма известного и успешного автора привлечь внимание к своей новой книге (одной из нескольких десятков). Тогда в чём же её смысл? Цунами как никакое другое природное явление соответствует его философскому представлению о катастрофе, провоцирует критическую мысль. Дело в том, что само по себе цунами практически невозможно предсказать. Его приближение невозможно почувствовать, даже находясь в гуще событий. Причиной явления становятся подводные толчки, которые могут происходить на значительном удалении от береговой линии. Таким образом жители прибрежной полосы или отдыхающие могут наслаждаться тёплым солнцем и прекрасной погодой на пляже в то время, как к ним приближается волна. Высота волны зависит от перепадов глубины морского дна, и достаточно часто на горизонте перед цунами не видно ничего необычного и угрожающего. Само бедствие становится очевидным лишь в последние мгновения перед тем, как вода уничтожит побережье на несколько десятков или сотен метров в глубину. Таким образом, у людей практически не остаётся времени не только на то, чтобы подготовиться к бедствию, но и чтобы успеть его осознать. Этой произвольностью и спонтанностью цунами отличается от ураганов, которые прогнозируемы и развиваются постепенно, штормов, где высота волны обусловлена силой ветра, что также растянуто во времени и понятно человеку,

или извержений вулканов. Помимо этого, явление цунами кратковременно – это всего лишь одна волна, которая, растратив энергию подземного точка, отступит в море. Горизонт вновь будет спокоен.

Дююи, который и до событий в Азии в 2004 году имел репутацию философа катастроф был одним из многих интеллектуалов, комментировавших события 11 сентября 2001 года в США (Подорога, 2018, стр. 301). Его позиция на тот момент была одной из самых провокационных, поскольку он предложил отойти от дискурса грядущей войны или натурализации катастрофы. Тем удивительнее, что он хотел отказаться от идеи прокомментировать ситуацию с азиатским цунами: «Сначала я с лёгким сердцем ответил, что сказать мне нечего, поскольку мои размышления касаются катастроф, ответственность за которые прямо или косвенно ложится на человека. Природные катастрофы, будь у них самые трагические последствия, не попадают в философское русло, которое я назвал просвещённым катастрофизмом» (Дююи, 2019, стр. 46). Французского философа в первую очередь интересовали катастрофы, порождённые способностью человека влиять на мир посредством технических средств (Duruu, 2002, p. 11). По меньшей мере катаклизмы, порождённые человеком, дарят надежду на возможность их предотвращения посредством разумных усилий общества. В случае цунами антропогенное воздействие было не так очевидно, хотя позже и были высказаны предположения о вине человека в столь разрушительных последствиях бедствия: коралловые рифы сильно деградировали и не смогли погасить энергию волны.

Для полноценного понимания представленной работы, об авторе которой на русском языке пока ещё мало исследований, необходимо вернуться к теории, которую французский философ называет «просвещённым катастрофизмом». Суть идеи заключается в том, что развитие человеческого опыта рассматривается «как результат отрицания самоуничтожения – будущего, предначертанного нам бесповоротной судьбой» (Дююи, 2019, стр. 36). Просвещённый катастрофизм представляет собой проект будущего, в котором опасность текущей ситуации мыслится единственно возможным и адекватным образом. Задача

философской рефлексии, таким образом, перерастает в то, чтобы убедить людей в неминуемости катастрофы, в реальности угроз. Дюпюи «... каждый раз приходилось констатировать одно и то же: знание об этих угрозах, среди которых есть и губительные, не побуждает к действию, а всё потому, что мы не верим в это своё знание, не способны представить последствия того, о чём нам известно» (Дюпюи, 2019, стр. 37). В этом аспекте мы впервые сталкиваемся с необходимостью вторжения философии в, казалось бы, естественнонаучные вопросы. Если наука нас не убеждает в реальности происходящего, то, возможно, это сможет сделать философия?

В самом деле поверить в катастрофические сценарии сложно. Жизненный мир современного человека детерминирован медиа-технологиями, дарящими комфорт. Голландский теоретик медиа и социальный философ Герт Ловинк утверждает, что «сеть становится настоящей формой социального» (Ловинк, 2019, стр. 27). Существование социального в онлайн-формате накладывает свой отпечаток на функционирование новых и старых социальных структур. Дюпюи поверхностно обращается к этому аспекту современности, указывая, что именно наличие европейских туристов на побережье поставило цунами в Азии наряду с самыми значимыми катастрофами западной истории. Проблема может заключаться в том, что причины невозможности осознания угрозы лежат в самой природе медиа-реальности. Это не значит, что медиа-продукция избегает тем катастроф. Напротив, такие сюжеты чрезвычайно популярны в массовой культуре: «Апокалиптическое воображение уже прорвалось в фильмы, изображая катастрофы во всех возможных видах – от весьма вероятной возможности термоядерного холокоста до абсурдных прогнозов о том, что самые безобидные формы жизни покорят человечество. К концу 1960-х образы повсеместного разложения и рока стали нормальным англо-американским видением в кинематографе» (Franklin, 1983, р. 70). С 60-х годов XX века ситуация изменилась лишь в том аспекте, что в проработку массовых страхов добавились новые темы: экологические катастрофы, политическая нестабильность и многое другое.

Влияние освещения подобных сюжетов в массовой культуре, однако, не следует переоценивать. Сама идея жанра фильма-катастрофы подчиняется капиталистическим законам функционирования массовой культуры (Джеймисон, 2019). В терминах Маклюэна первое и главное «сообщение», главная задача популярной культуры не в том, чтобы образовывать зрителя или подталкивать его к размышлению, но в том, чтобы извлекать из потребления прибыль. Изображения насилия, апокалиптические картины несут терапевтическую, но не критическую функцию. В противном случае, на конкурентном рынке они не имели бы значимых преимуществ. Концептуальная рамка потребления медиа, будь то уютное кресло в кинотеатре, где пахнет тёплым попкорном, или мягкий диван перед телевизором не способствуют осознанию угрозы. Будучи изолированным во времени и пространстве, опыт восприятия культуры остаётся в первую очередь комфортным времяпрепровождением, после которого у человека не появляется стимулов к действию. По крайней мере таково положение вещей на сегодняшний день. Безусловно, есть и обратные примеры, возникающего в результате сетевой организации коллективного действия. Но следует признать, что исчерпывающего понимания их функционирования у нас ещё нет. Поэтому оптимизм в отношении возможностей упакованных в цифровой медиа-формат идей по изменению мира должен быть сдержанным.

Реальная проблема находится в плоскости отсутствия планетарного мышления. Жан-Пьер Дюпюи видит её решение в универсализме философской аргументации. Точнее, он предполагает, что рациональность может оказывать воздействие на умы в любой форме, даже если это часть привлекательного контента. Отсюда проистекает и ответственность философии как рационального мышления *par excellence*. В конце концов то, как названа книга, свидетельствует о понимании Дюпюи законов функционирования повестки дня. Предположим, что в данном случае целью автора является популяризация своих идей ради обогащения мышления и поиска способов предотвратить неминуемое, а не с целью увеличения собственного символического капитала. В любом случае

понимание планеты как целого остаётся только задачей будущего, без которого любые попытки отсрочить катастрофу бессмысленны.

В этом отношении уместно вспомнить прогнозы американского теоретика Кристиана Морару в отношении будущего планетарного мышления. Отталкиваясь от того, что техническое развитие – в особенности повсеместное внедрение Интернета – завершает глобализацию, Морару делает вывод, что глобализованное мышление о мире будет совершенно другим (Moraru, 2015, p. 48). Люди, воспитанные на визуальных образах, осознают планету как единый образ, что заставит их относиться к ней иначе, превратят её в общий дом. Ведь планета слишком большой объект, чтобы почувствовать её своей, или столкнуться с собственной ответственностью за её судьбу. Визуальная культура и повсеместно распространённый образный язык медиа способны это изменить. Подобный подход роднит мысль американца с идеями французского философа: «Можно сказать, что космодернизм/планетаризм представляет собой перформативную философию, осознание сути которой должно, по мнению Морару, повлечь за собой изменения в культуре. Эти перемены, в свою очередь, станут локомотивом преобразований во всех остальных сферах. ... Отталкиваясь от феномена влияния литературы на умы, носящего универсальный характер, Морару делает вывод о том, что этическое имманентно культуре и глобализации вообще, а значит, мир будет трансформироваться в сторону макрокосма, совпадающего с человеком как микрокосм» (Афанасов, Павлов, 2019, стр. 52).

Интерпретируя философию «просвещённого катастрофизма» Жана-Пьера Дюпюи, вероятно следует соотносить её с более общим контекстом мышления о будущем планеты и культуры. В таком случае, его работы, включая рассматриваемую нами, будут составлять часть той литературы, которая в соответствии с идеями Кристиана Морару, будет способна подтолкнуть культуру к изменению мира. Оба философа имеют пафос начала реальных действий по спасению ситуации. Разница лишь в том, что американский теоретик мыслит в категориях философии истории, охватывая широким взглядом прошлое культуры и

её перспективы развития, а французский философ стремится предложить такие аргументы, которые бы привели к изменению мышления и модуса действия здесь и сейчас. Обе эти стратегии перформативны, поскольку целью историко-философского анализа выступает проектирование будущего.

Самому анализу мышления о катастрофах посвящена значительная часть книги. Без него аргументация Дююи была бы не столь убедительна, и «Малая метафизика цунами» превратилась бы в манифест. Однако, содержание книги богаче и предлагает интересный ракурс рассмотрения нескольких исторических событий. Все они были апокалиптичны в точном значении этого древнегреческого слова, которое Дююи трактует как «откровение» (Дююи, 2019, стр. 84). Речь идёт о теракте 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, Холокосте и атомной бомбардировке японских городов в 1945-м году. В чём же заключается «откровение» этих событий для философа?

Обращаясь к событиям 11 сентября, французский теоретик опирается на полемику между Руссо и Вольтером. Философы Просвещения были поражены Лиссабонским землетрясением 1755-го года. Вольтер занял пессимистичную позицию, которая в конечном итоге подтолкнула его к выводам о метафизической природе зла и утвердила в критике теодицеи. Руссо, в свою очередь, негативно отнёсся к размышлениям Вольтера, отказываясь видеть в произошедшем повод для натурализации зла: «Руссо полагал, что причина великих страданий – не само лиссабонское землетрясение и разрушение столицы Португалии, а скопление в больших городах людей, которые перестали жить в соответствии с природой. <...> Он писал, что явления, которые нам представляются несчастьями, кажутся таковыми потому, что нам неизвестны законы, ими управляющие, но они есть и они исключают возможность случайных событий» (Колмаков, 2015, стр. 25-26). Причины зла находятся в себялюбии человека, который неверно устраивает общество. «Природного или физического зла не существует» (Дююи, 2019, стр. 94). Подход Вольтера, в конечном итоге приведшего к необходимости заботы о собственном благополучии, которое только и зависит от человека, не

может быть актуален в современности. Собственное «возделывание сада» нас не спасёт.

Принимая за точку отсчёта свободу человека и принадлежность зла моральному, но не природному миру, Дюпюи обращается к работе Ханны Арендт «Эйхман в Иерусалиме». Не во всём соглашаясь с Арендт, французский философ тем не менее указывает на важнейший вывод, который следует сделать: планетарных масштабов зло не предполагает столь же масштабного злодея. Простая безответственность, близорукость и даже сочетание чудовищной ответственности с полным отсутствием дурных намерений (Дюпюи, 2019, стр. 101) могут породить то, что в моральной картине современного человека отождествляется с апокалипсисом. Задавать нравственный вопрос «почему?» бессмысленно: «Никаких почему, только причины, такие же слепые и бессмысленные, как и те, что заставляют волну уносить одну жизнь и сохранять другую» (Дюпюи, 2019, стр. 104). В сущности, француз предлагает нам задаться вопросом, не является ли наша близорукость и отказ от действий аналогом интеллектуальной слепоты нацистского преступника.

Последняя важная историческая катастрофа для Дюпюи, понимание которой необходимо, – это бомбардировка Хиросимы. Его впечатляет то, насколько этот феномен поддаётся рационализаторской, технической логике в худшем её проявлении. Событие, положившее начало атомной эре, когда угроза апокалипсиса впервые стала планетарной, фактически оправдывается в историческом сознании: если бы не бомбардировка, то жертв было бы ещё больше. Логическая когерентность подобных моральных уловок при этом не становится более убедительной, о чём пишет Дюпюи, ссылаясь на работы британского философа Элизабет Анскомб. Она предложила такой мысленный эксперимент: «Представим, что в начале 1945 года союзники решили бы так: сломить сопротивление Германии и принудить её к быстрой капитуляции, сохранив таким образом жизни множества солдат, можно, решившись на уничтожение сотен тысяч гражданских лиц, в том числе женщин и детей, населяющих два города в Рурской области. Два вопроса: 1) чем, с моральной точки зрения, это

отличалось бы от действий нацистов в Чехословакии или Польше? 2) чем, с моральной точки зрения, это отличалось бы от атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки?» (Дюпюи, 2019, стр. 108).

Некоторая сбивчивость повествования и отсутствие ясно артикулированных выводов может запутать читателя. Во многом это упраздняет ту задачу просвещённого введения в катастрофизм, которую ставил перед собой Дюпюи. В этом большой недостаток книги, которая без знакомства с другими работами философа или без понимания повлиявших на него Рене Жирара и Гюнтера Андерса, оказывается недоступной. Однако мы можем выделить основное из философского анализа катастроф и мышления о катастрофизме, который предпринимает Дюпюи. Наша моральная слепота и отсутствие адекватного понимания катастроф и их жертв коренятся в том, что мы не осознаём соотносённость трёх возможных категорий жертв и символических порядков: «Итак, у нас есть три категории жертв: жертвы природных катастроф, жертвы насильственного уничтожения и жертвы священные, которым соответствует три типа порядка – естественный, насильственный и сакральный» (Дюпюи, 2019, стр. 130-131). Всё дело в том, что мы часто неверно улавливаем существующее соотношение, к примеру, низводим моральное зло до уровня природного.

Знакомясь с рассмотрением Дюпюи, не следует забывать, что оно ставит перед собой авторские, вполне конкретные цели, о которых мы говорили ранее, и которые куда яснее артикулированы, чем историко-философский анализ. Многочисленные отсылки не только к тому, что спецслужбы США не могли поверить в реальность террористической атаки 11 сентября, но и к Холокосту подталкивают нас к тому, чтобы примерить эту позицию отказывающегося поверить в реальность угрозы на себя: «Пытаясь объяснить тот факт, что многие евреи из стран Европы до самого конца, даже на перроне станции Аушвиц-Биркенау, отказывались верить в реальность фабрики по истреблению людей, Примо Леви цитирует старую немецкую мудрость: “То, что кажется невозможным с точки зрения добродетели, не может существовать”. Свойственная нам добровольная слепота перед лицом страданий и ужаса – главное препятствие,

которое провозвестнику бед нужно если не преодолеть, то хотя бы обойти.» (Дюпюи, 2019, стр. 25)

«Просвещённый катастрофизм», таким образом, является для нас особого рода мысленным экспериментом, или, лучше сказать, модусом мышления. Человечество должно одновременно воспринять себя и как жертву насилия, и как причину происходящего зла. Только такое мышление может придать серьёзности нашим планам по спасению самих себя, которым мешает атрибутирование ответственности другим или природе. Остаются два вопроса: можем ли мы всерьёз начать думать так, как нас к тому подталкивает Жан-Пьер Дюпюи? И изменится ли что-то от этого?

«Необдуманный бег в пропасть – типичная автотрансцендентная форма. Все участвуют в её поддержании, но каждый оценивает её как сугубо внешнее начало, как императив, от которого невозможно уклониться. Наша судьба полностью предначертана, и всё же именно мы её создаем» (Дюпюи, 2019, стр. 134). Логическая структура, которая приводит к бездействию, это вера в то, что всякая рациональная мысль оказывает воздействие на человека, заставляет его соотнести своё поведение с более разумной стратегией. Однако вера в возможность предотвратить апокалипсис, упраздняет саму веру в апокалипсис, упраздняет угрозу, низводя её до технической задачи, которую решит кто-то иной. Решение видится возможным, и это не может быть иначе в привычной современности технократической логике. Даже пределы смерти становятся в зависимости от техники в мысли о будущем (Писарев, 2019, стр. 166). Это тот оригинальный парадокс, над решением которого призывает задуматься Дюпюи, возвращая философии возможность не спекулятивно высказываться о будущем человечества. Следует, впрочем, признать, что излишне сгущающая краски аргументация, хотя она и остаётся изящной, а также библейский пафос не всегда выглядят достаточно убедительными и уместными. Отметим это как недостаток работы, который вредит её основной задаче.

«Абсолютное превосходство техники над этим миром – одна из его основ» (Дюпюи, 2019, стр. 102). «Малую метафизику цунами» следует интерпретировать именно как

работу по философии техники. Дюпюи, достаточно долго работавший над проблемами пределов технологического развития, обходит этот сюжет стороной, не предавая читателю полноценного его рассмотрения в этой работе. Но следует понимать, что причины (будущей) гибели мира коренятся в технической организации жизни человека. Один из вопросов, который может быть понят без обращения к философской терминологии весьма прост. Ресурсы планеты ограничены, а технический и экономический рост безграничны и рассчитаны на неисчерпаемость ресурсов и потребления. Дюпюи предлагает представить, что произойдёт с миром, когда жители Индии и Китая обзаведутся собственными автомобилями и поедут по широким автострадам.

Работа Дюпюи, пусть и не представляет собой последовательно изложенной теории, безусловно интересна. Она побуждает к оригинальному мышлению и новой постановке вопроса о будущем, что ценно для философской мысли. Возможно, ответ на возможность или невозможность изменить предначертанное будет дан именно в социальной и медиа теории, понятых как продолжение мышления о технике. Отталкиваясь от недостатков работы Дюпюи, предположим, что именно на эти отрасли философского знания будет возложена задача картографии апокалипсиса.

Список литературы

- Афанасов, Н. Б. & Павлов А. В. (2019). Образы современности в XXI веке: космодернизм. *Знание. Понимание. Умение*, 2, 46-62.
- Гринбаум, А. (2019). Предисловие. В Дюпюи, Ж.П. *Малая метафизика ценами* (с. 5-16). СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Джеймисон, Ф. (2019). *Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательский Института Гайдара.
- Дюпюи, Ж. П. (2019). *Малая метафизика ценами*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Колмаков, В.Б. (2015). Спор трёх философов. *Вестник ВГУ. Серия: Философия*, 3, 21-32.
- Ловинк, Г. (2019). *Критическая теория интернета*. Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».

- Павлов, А.В. (2019). *Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Писарев, А. А. (2019). Конфликт бессмертий: биополитика церебрального субъекта и религиозная жизнь в сериале «Видоизменённый углерод». *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 3(37), 149-172.
- Подорога, Б. В. (2018). Социально-политические аспекты постсекулярной цивилизации. Образ теракта 11 сентября в философии Жана Бодрийера: глобализационное бессознательное запада и российский контекст. *Электронный философский журнал Vox*, 25, 299-310.
- Dupuy, J. P. (2002). *Pour un catastrophisme éclairé. Quand l'impossible est certain*. Paris: Editions du Seuil.
- Dupuy, J. P. (2005). *Petite métaphysique des tsunamis*. Paris, Editions du Seuil.
- Franklin, B. H. (1983). Don't Look Where We are Going: Visions of the Future in Science-Fiction Films, 1970-82, *Science Fiction Studies*, 1(10), 70-80.
- Moraru, C. (2015). *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor (MI): Michigan University Press.

References

- Afanasov, N. & Pavlov, A. (2019). Images of Modernity in the Twenty-first Century: Cosmodernism, *Znanie. Ponimanie. Umenie.*, 2, 46-62. (in Russian)
- Dupuy, J.P. (2002). *Pour un catastrophisme éclairé. Quand l'impossible est certain*. Paris: Editions du Seuil.
- Dupuy, J.P. (2005). *Petite métaphysique des tsunamis*. Paris, Editions du Seuil.
- Dupuy, J.P. (2019). *Petite métaphysique des tsunamis*. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House (in Russian)
- Franklin, B.H. (1983). Don't Look Where We are Going: Visions of the Future in Science-Fiction Films, 1970-82, *Science Fiction Studies*, 1(10), 70-80.
- Grinbaum, A. (2019). Preface. In Dupuy, J.P. *Petite métaphysique des tsunamis* (pp. 5-16). Moscow: Ivan Limbakh Publishing House (in Russian)
- Jameson, F. (2019). *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (in Russian)
- Kolmakov, V.B. (2015). The Conflict of Three Philosophers, *Vyatsky State University Herald*, 3, 21-32. (in Russian)

- Lovink, G. (2019). *Critical Theory of Internet*. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Institute of Modern Art. (in Russian)
- Moraru, C. (2015). *Reading for the Planet: Toward a Geomethodology*. Ann Arbor (MI): Michigan University Press.
- Pavlov, A.V. (2019). *Postpostmodernism: How Do Social and Cultural Theories Explain Our Time*. Moscow: "Delo" Publishing House. (in Russian)
- Pisarev, A.A. (2019). Conflict of Immortalities: Biopolitics of Cerebral Subject and Religious Life in *Altered Carbon Series, State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 3(37), 149-172. (in Russian)
- Podoroga, B.V. (2018). Social-political Aspects of Postsecular Civilization. The 11/09/01 Image in Jean Baudrillard's Philosophy: Western Globalization Unconscious and Russian Context, *Philosophical Journal Vox*, 25, 299-310. (in Russian)